Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

№ 53 Рабоче-крестьянские листовки № 53

ПОВЕСТЬ РАБОТНИЦЫ и КРЕСТЬЯНКИ

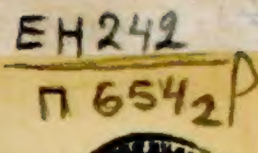

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1920

Гиз. 1101. (Р. В. Ц. Москва). Отпечат. 50000 экз.

20-я ГОСУДАРСТВЕННАЯ типография (бывш Кушнерева). Пименовская.

ПОСВЯЩЕНИЕ.

Вам, миллионам работниц и крестьянок, посвящаем мы эту маленькую книжку, каждое слово которой идет из самой глубины нашей души и написано кровью нашего сердца. Пусть эта книга будет звеном, которое еще крепче, еще неразрывнее соединит работниц и крестьянок.

Работница-печатница Таиса, крестьянка Удаленкова-Крицына.

17 октября 1920 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Веками продолжалось угнетение рабочих и крестьян барами и капиталистами. Много слез и страданий, затаенных и безысходных, видела земля. Но внешняя жизнь оставалась спокойной. Только временами переполнялась эта чаша терпения и затем разражалась в бунты, забастовки или революционные выступления. Но слишком малы были эти усилия, чтобы изменить жизнь рабочего класса. И порою казалось, что не может быть жизнь иною. Старики говорили: «не мы завели порядок, не нам менять его». А царские чиновники поддерживали это мнение: «так было, так будет», говорили они в ответ на требования рабочих.

Но что же произошло 3 года тому назад в Октябрьские дни? Откуда эта буря, которая и сейчас потрясает нашу жизнь и все более и более перебрасывается на жизнь других стран?

Об этом скажет нам простая и искренняя повесть работницы и крестьянки и их бесхитростные слова

ответят картинно вам на вопросы: что вызвало Октябрьскую революцию? Что заставило рабочий класс взять власть в свои руки. Можем ли мы сомневаться в судьбе завоеваний рабочего класса и в исходе этой борьбы?

И их слова, полные страстной ненависти к своим угнетателям, найдут живой отклик в сердцах тысячи таких же работниц и крестьянок. Их стальная воля и упорство, с которыми они стремятся к своей победе над эксплоататорами, послужат залогом победы всего пролетариата.

Отдел Работниц Московского К-та Р. К. П.

Что меня толкнуло в ряды партии.

Время от времени я взвешиваю: почему во мне так кипит отвращение при виде буржуазии? Порой мне кажется, что я, как только родилась, так и возненавидела всех их. Возненавидела же я их потому, что в минуту своего появления на свет увидала мать, страдающую в безысходной нужде.

Полностью я начала сознавать условия жизни с 3-х лет и особенно почувствовала я, что мы бедные, когда умер отец.

Оставшись с 4-мя детьми (от 1 года до 7-ми лет), моя мать начала бегать с нами по всем благотворительным учреждениям, как-то: в попечительство о бедных, даже в Думу, словом всюду, куда советовали ей разные кумушки. Помню, как в одном месте ее выталкивали при посредстве дворника, так как она, измучившись вконец, ни за что не хотела уходить, пока у нее не возьмут детей или не помогут нас накормить. Надо добавить, что мы ели не каждый день тюрю из черных корок, напарен-

ных в печке, за что нас во всей «Ляпинке» (так назывался вдовий дом, где мы жили), прозвали «Тюря».

Однажды мама отыскала свою дальнюю родню, довольно состоятельную и повела меня к ним на елку. Мне было лет 6—7. И вот, очутившись впервые в тепле, чистоте и в ярком свете электрических фонариков елки, я вдруг сразу почувствовала глубокую разницу нашего положения. Оглядевшись, спрашиваю ту барыню, которую мама называла своей родственницей: «почему у вас так светло и тепло и всего так много, а мы голодные, холодные и ничего не имеем?».

Все гости смутились и переглянулись, а моя мать поспешила мне ответить: «потому что мы бедные, а они богатые!». Тогда я, топнув ногой, крикнула: «а бедные мы потому, что у нас отняли все богатые!».

После этого инцидента, меня мама боялась брать с собой к «порядочным» людям, так она называла всех хорошо, благополучно устроившихся на слезах и несчастиях других.

Но вот мне уже 7 лет, и я бегаю в школу, где так же мой глаз и самолюбие колет разница среди нас, детей, начиная с одежды, которая у меня состояла из материных лохмотьев, и кончая питанием. Я завтракала за копейку черствый ситничек, да и то через день, а они ели слоенки со сливками, всевозможные бутерброды и т. п.

Иногда, чтобы забыть, что я бедная, я обманывала свой вкус. Возьму да и вложу черный хлеб в белый и представляю, что я ем бутерброды с колбасой, и так же важно во время перемены расхаживала по коридору. Несмотря на все это, я чувствовала себя задорно, так как в ученьи не отставала от первых учениц и иногда спекулировала за хлеб, за колбасу и пр. снадобья, задачами с богатыми детьми, но ничего не соображающими.

11 лет я сдала экзамен за 3 класса городского училища и очутилась на распутьи. Страшно хотелось учиться дальше. Учительница уговорила маму употребить всю возможность и учить меня. Да нужда не свой брат. С год меня ломали: отдавали в белошвейную мастерскую по настоянию начальницы этого дома, оттуда за слабостью зрения отпустили назад к матери. В конце-концов я сдала экзамен в Шелапутинское училище. Но нам отказали в квартире, и мать переехала к куме к Крестовской заставе, ходить оттуда к Даниловской заставе в школу, разутой и раздетой, не представлялось возможности, да и матушка недовольна была. Ведь надо было в течение года истратить 12 рублей на книги, да форменное платье мне сшить, а ей и прокормить меня было нечем. Ну, вот она, не зная, на ком сорвать свою досаду от недохваток, глодать меня стала. Из дармоедок я у ней не выходила, несмотря на то, что я с ней ходила по стиркам, по мытью полов и т. д.

Невмоготу терпеть стало, надо было идти зарабатывать самой хлеб. Жизнь меня бросила в прислуги. Долго я не могла помириться с психологией прислуги, угадывать прихоти барыни и лебезить перед ней. У меня выходило все фасоном, и потому я дальше 5-ти—6-ти месяцев ужиться не могла, да и это время потому проживала, что дети-барчуки меня любили за веселые затеи и игры.

Так я промытарилась, как говорится, по людям лет до 16 и решила лучше с голоду умереть или в монастырь уйти, чем дальше так мыкаться. И только не сделала этого потому, что вера в Бога стала колебаться. Я видела, что он очень жестокий, и хотя мне мать доказывала, что кого Бог любит, того и наказывает, а все-таки я не могла помириться с его злобой на бедных и никакой вины за собой не видела. А уж я ли ему не молилась, я ли с ним не дружила, все его затеи с постами и говеньями, с ранними обеднями, с молебнами по часовням отстаивала? А потом и увидела,—не тут-то было. Надо по-другому повернуть дело. Взяла и повернула.

Живо по газетным объявлениям поступила в типографию для «чистой» работы. Там подрядилась я на 3 месяца бесплатно работать,—дескать, учиться. Конечно, за харчи. Поработав с 8-ми утра до 8-ми вечера, я оставалась еще, чтобы скорей набазуриться фальцевать 4-хсгибку и др. брошюровочные работы. Недели через две я увидала, что в работе не отстаю от подмастерья. И в то время, как те получают по 8-ми—10-ти руб. в месяц, я работаю даром. Вот я и решила, что потребую жалованья. Хозяин при таком требовании глаза вытаращил и указал на уговор работать 3 месяца бесплатно. Кончилось тем, что я взяла паспорт обратно и смело пошла работать в другую мастерскую. Там я сразу выдала себя за подмастерье. И после 3-дневного испытания получила 8 руб. месячного жалования. Тут я почувствовала под ногами почву самостоятельности, так как имела способность быстро разбираться во всякой работе и доводить ее успешность до уровня ма́стера.

Через год за мной, как за бойкой, веселой, смелой девкой, стали ударять женихи, а здесь рой кумушек, подруг во главе с матерью стали опутывать, сбивать с панталыку. То одного сватают, то другого, да все хозяйчиков. У одного сапожная мастерская, у другого коробочная. Вид солидный, борода на две стороны разглажена, золотая цепь тройная на пузе болтается. Ну, и летели они у меня ко всем чертям вместе со свахами.

Я хотела выйти замуж по любви.

Однажды приехали к нам в квартиру какие-то голодранцы-ребята. Трое их было и такие разухабистые, веселые. Со мной нет-нет да и перекинутся смешком, к себе позовут да и начнут уговари-

вать ехать с ними на экскурсию. Стала я маме и жениху про это рассказывать, а они меня и ну пугать. Дескать, казаки окружат и плетьми бить будут. А за что—не говорили, да и сами хорошо не знали, а того и не соображали, что этим пуганьем только мое любопытство пуще разжигали. Вот взяла я и в первое же воскресенье да и убежала с этими ребятами на экскурсию в Измайловский зверинец.

И каково же мое положение было! Первый раз в жизни я очутилась среди 40 чел. мужчин (портных) одна девушка.

В голове носятся мамины предостережения, взгляд полон предрассудков. Только чувствую, что душа моя вся переполнена дружеским к ним чувством, что так и хочется их всех расцеловать и песни петь. Стоило мне только увидать кипящий самовар на лужайке, как я сразу вошла в роль хозяйки. Всех угощаю, наливаю чай, делаю бутерброды, шучу, смеюсь, они смотрят на меня и не надивятся. Откуда такая веселая свалилась? Вот они декламируют, но и я не отстала. Вспомнила свои ученические басни Крылова, и ну запузыривать, а они говорили что-то серьезное, но я не поняла смысла, хотя и слушала во все уши.

Возвратилась я поздно, часов в 9—10, и с большой оравой новых друзей. Через неделю я по их советам уже состояла в Союзе Печатников, где меня

звали первой ласточкой, так как среди четырех тысяч членов я была одна женщина, которая не пропустила ни одного собрания и состояла в различных комиссиях, хотя и не знала, что должна делать.

Постепенно сближаясь с теми или иными товарищами, я очутилась в теплой компании кружка молодежи, который организовал тов. Кодлубовский. По всем организационным вопросам я была его правой рукой. И вот, в этом кружке я впервые услыхала, что Бога нет. Я так и ахнула: «Бога нет?». Недели с две все я искала его, да так и не нашла. Тут совсем встряхнулась и увидала себя борцом за другую, новую, светлую жизнь. В то время мне было лет 18.

Стала я посещать по вечерам университет Шанявского, где прослушала политическую экономию, русскую литературу и повторила русский язык. Была членом 3-го женского клуба, что в Хамовниках был, и где я много шуму делала, участвовала в драматических кружках, пении и прочем веселии, так как инстинктивно сознавала, что надо кипеть, бурлить, размахнуться, да не знала, с чего начать. После закрытия 3-го женского клуба состояла членом общества народных развлечений и так же играла в драматическом кружке; я записалась во все клубы, которые то открывались, то закрывались. Посещала все экскурсии. Все это на-

зывалось моей личной жизнью. Она начиналась после 12-часового рабочего дня в типографии, на фабрике.

Меж тем атмосфера окружающей жизни все сгущалась и сгущалась. Из наших рядов то-и-дело выхватывались лучшие товарищи, как говорили, на покой, т.-е. по тюрьмам и в ссылку. Особенно репрессии дали себя почувствовать в начале 1914 года. Тут на мою долю выпала работа—посещать в тюрьмах товарищей то гражданской женой, то двоюродной сестрой, смотря в виде кого можно было пройти. Вдруг воздух разрядился империалистической войной. Подолгу сидя на докладах в обществе народных развлечений или на экскурсиях, я ловила суть войны, ее возникновение и все больше и больше видела, как опутан народ, как кругом в крови рабочего и крестьянского люда пляшет вакханалия наживы,—от всего этого у меня сжимались кулаки и хотелось все разнести в щепки.

Поступив на военно-обмундировочную фабрику, я видела, как опутаны жены, сестры, матери тех воинов, что ушли защищать царя-батюшку и своих эксплоататоров, и как из их семейств выжимаются все соки для наполнения карманов капиталистов, и все, что я видела, понимала, я старалась доказать каждой своей товарке работнице.

Скоро стали за мной следить и, однажды, несмотря на все строгие приказы против забастовок,

мне пришлось поднять 300 работниц с фабрики, на которой я работала, чтобы остановить то нахальство грабежа, который бесцеремонно проделывал некий Анатолий Николаевич—директор фабрики Суздальцева. Конечно, за это со мной расправились по всем правилам буржуазного закона, после чего я стала еще крепче, смышленнее в борьбе и уже нигде не могла работать мирно. Везде после двухнедельного пребывания на той или иной фабрике, типографии я шебаршила и баламутила стадо, покорных овечек, своих товарок работниц. А хозяину этой фабрики, бывало, всю кровь перепорчу, пока он не найдет возможным устранить меня.

Таким путем, обив пороги всех типографских кустарей г. Москвы, я перекочевала в Петроград, где и встретила революцию.

Бурно, как и для всех петроградских рабочих, прошли для меня первые дни революции. С первого же дня легального существования коммунистической партии я стала в ней работать: записывать членов, распространять литературу, газету и проч. мелочи. В дни гонения большевиков мне тоже здорово доставалось за горячие споры на улицах Петрограда и в типографии, где печаталась погромная газета буржуазной своры и где, к несчастью, я работала. Я видела, как эта контр-революционная компания капиталистов подкупала деньгами наборщиков.

Но не успела демобилизоваться старая армия, как вспыхнула гражданская война. Наступили октябрьские дни. Закипела борьба, в результате которой рабочий класс взял власть в свои руки. А затем настало время, когда мы, рабочие и работницы, как трава после весенней бури, стали поднимать свои головы и массами тянуться к Партии, Отделам работниц, к Советам, чтобы с их помощью устроить свою лучшую жизнь.

Работница-печатница **Таиса Словачевская.**

Как я стала борцом за Советскую власть.

Отдали меня замуж в очень бедную семью. Муж мой был слабый, болезненный и совершенно безграмотный, темный крестьянин. Случился в тот год у нас, в Тверской губ., большой неурожай. Пришлось мне с мужем пойти в батраки. Отправились мы к помещику, а у него были вязальные мастерские, и стали проситься, чтобы он взял нас к себе на работу. После долгих упрашиваний, он оставил нас у себя: меня прислугой в доме, а мужа работником. Плату он нам назначил такую: мне за 6 летних месяцев 43 рубля, мужу 55 руб., за всю же зимнюю работу мне 13 руб., а мужу моему 15. Даже по тому времени это была совершенно ничтожная плата. Кормил он нас так худо, что мы от голода совсем отощали.

Много я за день работы делала. Ведь хозяин меня только для виду, чтобы меньше платить, прислугой в дом взял, а на самом деле я и жала, и косила, и лен мяла, и всю домашнюю работу исполняла. К вечеру я так уставала, что еле на ногах

держалась. Но и вечером мне не было отдыха. Понаедут к хозяевам гости: поп, помещики с дочерьми и женами разряженными, ну, и бегай тут за ними, ухаживай, того им подай, да этого, за тем присмотри, за другим прибери и т. д., до самой поздней ночи.

Но горше всего мне было, когда хозяин начинал издеваться надо мной, шутки свои поганые надо мной строить. Зовет, бывало, к себе: «эй, Пелагея, пойди сюда, застегни мне портки!». Так у меня от стыда и возмущения вся кровь к сердцу прихлынет, а из глаз слезы брызнут. Была я совсем еще молоденькая, да неопытная, зазорно и больно мне было от этой издевки, а нрава я была горячего, все боялась, как бы я не сдержалась да не отпустила ему пощечину в это время.

Чем больше жила я у них, чем больше терпела, тем яснее стало мне, что неладное, несуразное что-то вокруг меня творится. Работаем мы с мужем до поздней ночи, едим тухлую рыбу да щи с червями и одеты, как помирушники, в одни лохмотья. Хозяева же наши целый день ничего не делают, только на нас покрикивают, а живут богато, дом у них словно полная чаша. Тут-то и стали мне вспоминаться слова моего брата, который за бунтарство да забастовки много лет в тюрьме сидел. Говорил он мне тогда, что во всех наших несчастиях виноваты помещики да фабриканты, на которых

мы всю жизнь работаем, а они, как пауки проклятые, кровь нашу пьют. Тогда, когда он говорил мне это, я еще не могла всего понять. Только теперь я поняла, что он говорил сущую правду, когда я сама, на своей спине испытала гнет помещика-барина.

Переполнится у меня, бывало, сердце от горечи да тоски за житье свое беспросветное, подбегу я к хозяину и кричу во весь голос: «ах вы, распроклятые, почему это мы на вас всю жизнь работаем, из последних сил выбиваемся, голодаем, а сами вы все барствуете, в баклуши бьете, а едите сладко и одеты хорошо? Погодите, скоро и на нашей улице, у бедняков, праздник будет, поймет весь рабочий люд, что он сам всему хозяин, и прогонит вас к чорту!».

Не понравились хозяевам мои речи, начались у меня с ними перебранки да ссоры, и решила я от них уйти. Опостылела мне эта проклятая собачья жизнь. Стала я уговаривать своего мужа в Питер ехать, счастья искать. Поехал раньше меня он, нанялся в водовозы. Через некоторое время и я в Питер приехала. Приезжаю в Питер, как раз к празднику Троицы. Гляжу, какая там жизнь, веселая, да богатая, все разодеты, гуляют. Ну, думаю я, конец горю моему, в Питере-то будет для меня жизнь словно масленица. Как стала я за город выезжать, увидела я маленькие да бедные

домишки, а люди-то в лохмотьях ходят, да и все работают сегодня. Подхожу я к первому встречному, который кирпичи на постройку тащит, и спрашиваю его: «отчего ты работаешь сегодня, а не гуляешь, как все? отчего платье на тебе такое худое, да рваное?». Поглядел он на меня, спустил свою ношу тяжелую с плеч, вытер вспотевшее лицо и говорит мне: «ты что—с неба свалилась, что ли? Разве ты не знаешь, что для бедняка нет праздников, что если он будет гулять, то ему в этот день есть нечего будет?». Поняла я, что в Питере то же, что и в деревне: одни объедаются да празднуют, а другие голодают да всю жизнь работают и спины гнут.

Долго искала я работы, наконец, поступила судомойкой в чайную. Работало нас там человек 30—40. И тут же, с самого начала, у меня начались нелады с хозяевами. Часто, не смущаясь даже присутствием гостей, начинала я рассказывать своим сослуживцам про все то, что у меня на душе накипело, про жизнь нашу горемычную, да про наших мучителей-хозяев. Когда дошли мои речи до хозяев, стали они у меня выпытывать, откуда я явилась, да кто меня таким речам учит и т. д. Даже тюрьмой меня пристращали. Вижу я, что не сдобровать мне, ушла я от них и нанялась на завод «Новый Айваз».

Завод этот был страсть какой большой. Пять тысяч рабочих работало на нем. Проработала я там

две недели, присмотрелась ко всему, и решила, что много неладного, несуразного творится здесь. Мы, женщины, работаем одну и ту же работу, что и мужчины, а получаем втрое меньше, чем они. Стала я собирать работниц и говорить им, что должны мы требовать такой же оплаты, как и мужчины получают. Не понравилось это мастерам да хозяевам, стали они за мной приглядывать да стращать, что рассчитают да за ворота выкинут.

Сначала уговаривать меня стали: ты баба деревенская, дура безграмотная, молчала бы, с умных людей пример бы брала. Видели мастера и хозяева, что я начала рабочих мутить, хотели меня прогнать, да жалко им было меня лишиться, уж очень хорошей работницей была я. Стали они мне потихоньку шептать, что если я буду молчать, то они мне одной прибавят жалованье. Я сразу поняла, что они хотят меня опутать, подкупить, не попалась я на эту удочку и наотрез отказалась от такой гнусной сделки. Стали мы, работницы, еще настойчивее требовать прибавки с этого времени.

Начались в это время на всех фабриках забастовки. Прошел у нас слух, что ходят по фабрикам какие-то тайные люди, которые называют себя социалистами и призывают рабочих к забастовкам. Знала я, что они наши друзья, что они хотят они хотят нас объединить, сделать нас сильными, чтобы мы могли не поддаваться хозяевам. Хотелось

мне их повидать, порасспросить у них многое, да не знала я, где их найти.

Раз как-то утром сижу я за станком, разбираю его, смазываю, вижу, машет мне пальцем к себе товарищ, рабочий нашего завода. Подошла я к нему, а он мне говорит тихонько: «иди скорее, к нам социалисты пришли». Обрадовалась я, бросила работу и убежала к ним. Рассказали они нам, что они члены партии социал-демократов, что эта партия борется за то, чтобы царя, помещиков и фабрикантов сбросить и самим рабочим да крестьянам хозяевами стать, все в свои руки взять.

Как стали они в партию-то записывать, а я им и говорю: «пишите меня первую, поняла я вас и вашу партию и поверила в вас крепко». Записали они меня. А была я тогда совсем еще безграмотной, темной крестьянской бабой. Лопнуло терпение у рабочих на нашем заводе, не могли мы больше стерпеть такой собачьей жизни, и началась у нас забастовка. Бросили мы все работу, а кто сам не хотел бросать, того мы силком с работы снимали. Собрались мы на фабричном дворе, чтобы сговориться. Пришли к нам и социалисты и стали нас призывать к забастовке. Но не успели мы даже опомниться, как налетел на нас отряд конных городовых и стал стегать рабочих нагайками, рубить шашками и лошадьми давить. Потемнело у меня в глазах, я и обмерла. Как я потом узнала, удар со мной сделался. Сильно захворала я. Никак не

не укладывалось в моей голове, что за то, что рабочие хотят хоть немножко облегчить свою жизнь, за это из них котлеты делают. После удара я так ослабела, что не в силах была работать, и поехала в деревню.

Захотелось мне использовать время моего отдыха для того, чтобы грамоте научиться. Знать-то мне все хотелось, а читать я не умела. Трудно было мне сначала самоучкой учиться, да все же немного выучилась и читать, и писать. Как поправилась я немного, опять меня в Питер потянуло. Собралась я скорехонько и поехала.

Приехала я в Питер как раз тогда, когда февральская революция началась. Шесть дней ходила я с толпами рабочих по улицам с красным флагом, с пением революционных песен. Такая охота появилась у меня, — на всех митингах, на всех собраниях, манифестациях хотелось бывать. Прихожу я как-то раз в Народный дом, а там собрание. Спросили меня устроители собрания, хочу ли я у них на собраниях бывать, а я им ответила, что очень всем интересуюсь и охотно пойду к ним. Через несколько дней получила я от них повестку с извещением о собрании. Прихожу я к ним на собрание, смотрю, а там собрались все господа какие-то нарядные, да барыни в шелковых платьях да шляпках дорогих. Вот высмотрела я одного из господ этих, барин такой толстопузый, с золотыми часами,

и говорит, что приехал к ним в Петроград опасный человек, германский шпион Ленин и что лучше бы его обратно туда отправить, а еще лучше было бы здесь его прикончить совсем. Как услышала я все это, так и подумала: «эх, матушка, не туда ты попала, не к друзьям своим, а к врагам». Слыхала я много хорошего о тов. Ленине от питерских рабочих, да и статью его в «Правде» прочитала, в которой он говорил, что всю власть надо взять нам, рабочим и крестьянам. Поняла я тогда сразу, что он наш друг, и поверила в него, да так крепко, навсегда.

Когда я услыхала речи этого барина, так во мне вся кровь закипела от возмущения. Попросила я, чтобы дали мне слово. Занесли меня в список, а когда до меня очередь дошла, я оглянулась на них и говорю: «вот вы здесь ругаете Ленина, а знаете ли вы, кто он такой? Он наш учитель, наш вождь, он нас учит, как нам всех господ прогнать и самим рабочим и крестьянам власть взять». Закричали они тут все на меня: «долой ее, долой!». А я им на это говорю: «нет, шутишь, брат, раз дали нам свободу слова, то я уже выскажу все, что у меня наболело, а вы послушайте, хотя вам это и не понравится. Всю жизнь я работала на вас, всегда голодная, в лохмотьях, в сыром подвале живя. Вы же барствуете и сладко едите, в шляпках да в шелках ходите, а чье все это? Наше. Чей хлеб кушаете? Наш, крестьянский. Чье платье носите? Нашими рабочими руками сделанное, нашим потом облитое, все наше, всему мы хозяева, без нас вы все пропадете!»...

С тех пор стала я ходить по митингам и собраниям и всю правду рассказывать. Попала я как-то раз на большое собрание к женщинам-солдаткам. Шум у них стоит, ничего не разберешь. Попросила я позволения сказать им кое-что. Вот вышла я к ним и говорю: «криком, шумом да жалобами ничего не добьетесь, вам тяжело живется, да и мне тяжело, давайте же спокойненько разберемся, отчего нам жить тяжело и как нам нашу жизнь легче сделать. Вот получили мы равноправие, а знаете ли вы, что это значит? Это значит, что получили право вместе с рабочими, крестьянами да солдатами бороться за свою свободу, за то, чтобы нам завоевать жизнь полегче».

Долго я так ходила по митингам, пока последнюю копейку заработанную не проела. Худо тут мне пришлось. На работу никто меня не берет,— боятся, что я рабочих мутить буду. Стала я голодать и порешила ехать к себе в деревню, крестьянам всю правду рассказать, да еще немного грамоты научиться. Как приехала я в деревню, стали меня все крестьяне расспрашивать: что там в Питере делается. Я все между ними ходить стала, работать с ними да рассказывать про все эти дела. Узнали про меня в уезде, позвали к себе да стали

меня по деревням да по селам посылать, разъяснять все крестьянам: что за свобода такая, да зачем она нужна. Работала я среди крестьян долго, и так хорошо это, радостно мне было, что могу я темным людям глаза открывать.

Как-то раз попала мне в руки газета, а в ней написано было, что большевики власть взяли. Возрадовалось сердце у меня, позвала я крестьян и стала им рассказывать, кто такие большевики, чего они хотят и почему нам за ними итти надо. Выбрали меня делегаткой от села в уезд; в ячейку партийную большевиков членом меня записали. С тех пор я и стала членом партии. Начала я тогда по волостям ходить, излишки хлеба и скота переписывать. Тут же я объясняла крестьянам, для чего нужно хлеб и скот в город давать. Слушали они меня и дивились: своя же крестьянская баба, а ходит у нас хлеб переписывать.

Бедняки-помирушники принимали меня, как свою родную сестру. Они знали, что эти излишки хлеба, которые я отбирала у кулаков, помогут им хоть не совсем сытно, да все же кое-как концы с концами свести. А кулаки-то все грозились убить меня. Они и кляли, и ругали, и заклинали меня. Тут как раз подошла мобилизация. Сильно тогда дезертирство развилось. Поручил мне уездный комитет партии вести агитацию против дезертирства. Это еще больше масла в огонь подлило. Так все

обозлились на меня за то, что я на дезертиров указываю, что я и ждала все, что не сегодня-завтра изобьют меня. Вскоре так и случилось.

Шла я как-то полем, стало уже смеркаться. Нужно было мне через лес пройти, а лес-то густой да темный. Сердце у меня словно предчувствовало, что попадусь я сейчас дезертирам в руки. Только поравнялась я с густой порослью, как выскочили из кустов несколько дезертиров, повалили меня на землю, один за горло схватил душить, другой коленом в грудь к земле прижимает, третий чем-то тяжелым по голове бьет. Избили меня до полусмерти. Как только до смерти не убили— не знаю. Видно, что-то испугало их. Потеряла я сознание и долго так пролежала. Когда пришла в себя, все кости у меня ныли, в голове шумело, в ушах ровно звон колокольный. Вся в синяках да в крови запекшейся. Доползла я до речки кое-как на четвереньках, ровно зверушка какая. Разорвала свою рубаху, обмыла, завязала ранку, поплакала, а все же злобы у меня на них не было. Сама себе дивлюсь, что я святая какая, что ли, что нет у меня злобы на моих мучителей лютых. Знала я, что темные они, что всему виной несознательность их. Как слепые они, не видящие.

Добралась я до дому еле живая да и слегла, захворала. Только на ноги подниматься я стала, как зовут меня в суд. На суде том разбиралось

дело этих дезертиров. Поймали их и судили. Еле притащилась я на суд. Как услышала, что присудили к расстрелу, так мне жалко стало их: ведь виной всему этому проклятая темнота крестьянская, нельзя их так строго судить. Стала я в защиту их говорить и просить, чтобы их только в живых оставили. Отменили им смертную казнь и приговорили к пяти годам принудительных работ. Как я рада была, что удалось мне их в живых оставить. Ведь, придет время, поймут они сами все и раскаются, и хорошими людьми станут.

После этого случая прошло некоторое время. Все успокоилось. Однажды вдруг стало слышно у нас на деревне, что Юденич подошел к самому Петрограду и угрожает ему. Нашла я газету и прочла там, что и вправду Юденич совсем близко у Петрограда, а Деникин у Орла. Как узнала я про то, так сразу и решила, что нужно мне на фронт итти—Питер наш красный защищать. Пошла я в нашу ячейку и говорю: «отпустите меня на фронт», те стали говорить мне: «куда тебе на фронт, когда стрелять не умеешь, что ты там делать будешь?». Но председатель нашей ячейки сразу понял меня и отпустил в Москву, а оттуда на фронт.

Приехав в Москву, начала я искать Центральный Комитет. Искала, искала, так и не нашла, а попала в Московский Комитет. Прихожу туда и говорю: «я коммунистка, иду на фронт, хочу за Питер воевать!». Они все диву дивятся да радуются,

что крестьянка-коммунистка пришла Питер защищать. Послали они меня в Политотдел. Пришла я к тов. Каменевой и говорю ей одно и то же: «пошлите меня на Питерский фронт, да и только». Приласкала она меня и говорит: «да что ты делать-то умеешь, что на фронте делать будешь?». А я ей отвечаю: «без дела сидеть не буду, работа найдется». «Нет,—говорит тов. Каменева,—лучше я тебя в Отдел работниц пошлю, там ты поучишься и совсем молодцом станешь». Послала меня в Центральный Комитет, в Отдел работниц. Приняли меня там так приветливо, так ласково, что я от радости сама себя не чувствовала. Осталась я работать при Отделе курьером, чтобы жить чем было. В свободное время задумала я учиться и поступила в партийную школу Центр. Комитета (университет Свердлова) [1].

Давно я мечтала с Ильичем повидаться (тов. Лениным).

Еще с февральской революции было у меня это желание, да все не приходилось. Пошла я к тов. Стасовой. Попросила мне помочь в этом. Тов. Стасова позвонила к Ильичу, и тот назначил мне, в какое время притти к нему. Встретил он меня так просто, так ласково, словно брат родной. Просил меня рассказать ему, как бедное крестьянство жи-

---

[1]) Хорошо мне жилось, радостно, так радостно, что забыла я все то горе, что мне пережить пришлось.

вет. Рассказала я ему о крестьянской бедноте и о кулаках, и о поддельных коммунистах, которые в сельский совет пролезли. И так это просто я с ним разговаривала, как будто целый век с ним прожила. Когда уходила я, записал он мой адрес и просил, чтобы я ему написала, если замечу где-нибудь несправедливость. Он же мне обещал ответить. Когда я ушла от него, то казалось мне, что я не по земле иду, а на крыльях лечу, так светло на душе у меня было.

Поступила я в школу, но недолго там пробыла,— всего 1 месяц. Очень трудно мне было учиться. Сразу все захотелось узнать. Я и набросилась на учение, целый день лекции слушаю, а ночью все пишу да пишу. Не выдержала я такой работы и свалилась, заболела. Лежу я в холодном сыром углу, никому до меня дела нет. Пролежала так несколько дней, вся распухла, а жар-то такой, что почти себя не помню. Пришел ко мне земляк, а я ему и говорю: «напиши ты мне письмецо к Владимиру Ильичу, что заболела я, и снеси его в Кремль». Написал он письмо и снес его. Вот лежу я как-то в беспамятстве, а меня спрашивают какие-то товарищи: я ли Удаленкова-Крицына? Я даже сразу ответить не могла. Спрашивают они: могу ли я сама до кареты дойти или на носилках меня взять? Взяли меня под руки и тихонько повели. Как вышли мы за ворота, смотрю я, стоит карета красивая с двумя вороными конями. Так

мне радостно стало, что Ильич-то про меня вспомнил, и сразу вся моя боль прошла, и казалось мне, что я уже выздоровела.

Привезли меня в кремлевскую больницу, вымыли, одели чистехонько. Лежу я, и все вокруг мне, как в сказке, показывается. Вдруг приходит доктор и спрашивает: «где тут ученица Ленина?»

Так он хорошо и со вниманием лечил меня, что я и сейчас еще с благодарностью вспоминаю о нем. Через некоторое время меня в санаторию отправили. Побыла я там немного и поехала к себе в деревню. Отдохнув несколько дней, я снова принялась за работу среди крестьян с новыми силами, с одним горячим желанием поделиться с моими дорогими братьями всем тем, что я поняла, что я узнала, чтобы хоть маленький свет внести в беспросветную крестьянскую темноту.

Крестьянка Тверской губ. Удаленкова-Крицына.

